

УДК 94(436).09 + 32.019.5 + 94(520).032.3/4

А. Е. Ворошилов

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия¹

AUSTRIA DELENDA: О КОНГРЕССЕ УГНЕТЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена изучению Римского конгресса 1918 г. и тех противоречий, которые возникали между сторонами в процессе его организации и работы. Затронуты вопросы влияния конгресса на изменение отношения стран Антанты к Австро-Венгрии и на тематику их пропаганды; проанализированы последствия деятельности конгресса в рамках Первой мировой войны и послевоенного устройства Центральной и Восточной Европы. Источниковую базу исследования составили мемуары министра иностранных дел О. Чернина, главы военной разведки Австро-Венгрии М. Ронге, агента «Дома Крю» К. Стюарта; стенограммы речей О. Чернина, премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа и президента США В. Вильсона, а также материалы итальянской прессы. В ходе исследования было установлено, что причинами организации Римского конгресса послужили некоторые события Первой мировой войны, военные амбиции, стратегические нужды и личные интересы. В конечном итоге конгресс стал важной точкой в процессе признания Антантой национальных движений и деятельности национальных комитетов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Римский конгресс; Австро-Венгрия; Первая мировая война; военная пропаганда; адриатический вопрос; национальные комитеты

С в е д е н и я о б а в т о р е : Ворошилов Артем Евгеньевич, студент бакалавриата кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; wey2728@gmail.com

¹ Научный руководитель: Бут Юлия Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург).

A. E. Voroshilov
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

**AUSTRIA DELEND: ON THE CONGRESS OF OPRESSED
NATIONALITES OF THE AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE**

The article is devoted to the study of the Congress of Rome of 1918 and the contradictions that arose between the parties in the process of its organization and work. It touches upon the influence of the Congress on the change of the Entente' attitude towards Austria-Hungary and on the subject of their propaganda; it analyses the consequences of the Congress in the framework of the World War I and the post-war organization of Central and Eastern Europe. The research is based on memoirs of the Minister of Foreign Affairs Ottokar Czernin, the head of Austro-Hungarian military intelligence Maximilian Ronge, the agent of the Crewe House Campbell Stewart; transcripts of speeches of Ottokar Czernin, British Prime Minister David Lloyd George and US President Woodrow Wilson, as well as materials of the Italian press. The study found that the Congress of Rome was organized due to particular events of the First World War, military ambitions, strategic needs and personal interests. Ultimately, the Congress was an important point in the process of the Entente's recognition of national movements and the activities of national committees.

Key words: Congress of Rome; Austria-Hungary; World War I; military propaganda; Adriatic issue; national committees

About the author: Voroshilov Artyom Evgenievich, Student of the Department for Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the first President of the Russia B. N. Yeltsin, Russia, Ekaterinburg

Современный мир характеризуется усилением антагонизма между ведущими мировыми державами и возрастающим числом военных конфликтов, в связи с чем представляется важным исследовать феномен пропаганды и изменений стратегических планов государств-участников Первой мировой войны. Ярким примером подобного переплетения интересов стал конгресс угнетенных народов Австро-Венгерской империи. Актуальным представляется освещение данного события еще и в силу того, что данная тема не привлекала особенного внимания отечественных историков, а в зарубежной историографии вопроса не были проанализированы некоторые ключевые источники.

Конгресс угнетенных народов Австро-Венгерской империи – малоизвестное в зарубежной и тем более в отечественной историографии событие, однако знаковое для истории военной пропаганды и дипломатии

Первой мировой войны. Конгресс проходил в Риме с 8 по 10 апреля 1918 г. и представлял собой собрание делегаций народов, которые, по мнению самих делегатов и стран Антанты, были «угнетены Австро-Венгерской монархией». В конгрессе участвовали представители от Польского, Чехословацкого, Югославянского и Румынского национальных комитетов, развернувших активную деятельность уже во время Первой мировой войны и стремившихся создать собственные национальные государства. Также присутствовала делегация от Сербии. Своих представителей прислали Великобритания, Франция и США, в деятельности конгресса принимали участие и итальянские политики. Председателем собрания стал сенатор Королевства Италия Франческо Руффини [6, р. 10–11]. Конгресс был созван по инициативе журналиста итальянской интервенционистской газеты *Corriere della Serra* Антонио Борджезе и заместителя госсекретаря по пропаганде и печати за рубежом Ромео Галленга Стюарта [8, р. 21].

Кажется, что данное событие – это не более чем рядовой съезд политиков для закрепления уже свершившегося факта сотрудничества. Однако встреча, преследовавшая цель объединить противостоящие Габсбургской монархии силы и выработать общий план действий, стала символом единства национальных комитетов и Антанты. Вместе с этим она использовалась в целях пропаганды против Австро-Венгрии, демонстрировала ситуативность решений политических деятелей, а также оказалась частью паутины исторических событий, связанных с Первой мировой войной и судьбами народов Италии и Австро-Венгрии.

Что же предшествовало организации конгресса? По мнению Оттокара Чернина, который руководил МИДом Австро-Венгерской империи с 23 декабря 1916 г. по 14 апреля 1918 г., в 1917–1918 гг. по инициативе императора Карла I велись тайные переговоры через братьев императрицы Циты. Принц Сикст играл роль почтальона в переписке императора с президентом Франции Раймоном Пуанкаре в феврале – марте 1917 г., а Хавьер Пармский – с представителями Франции и Великобритании в нейтральной Швейцарии [3, с. 186–202]. Несмотря на усилия всех сторон, переговоры зашли в тупик. Французские представители одним из условий выдвинули возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, вошедших в состав Германской империи по результатам франко-прусской войны 1870–1871 гг. Германские политические элиты (кайзера Вильгельма II Карл I уведомил о переговорах лично, но не раскрыл содержания встречи) не были бы согласны с таким условием, поскольку передача этих земель означала бы поражение германской дипломатии. Антанта также не собиралась заключать мирный договор, если согласно

нему страны-союзицы должны были отказаться от территорий [3, с. 211]. Кроме того, Австро-Венгрия не была готова подписать сепаратный договор, тем более с территориальными потерями, которых как одного из условий заключения мира пыталась добиться в свою пользу итальянская сторона¹, знающая о переговорах [3, с. 48, 90]. Сепаратный мир был бы не только несоблюдением союзнических обязательств империи, что привело бы к территориальным и репутационным потерям, но и, по мнению Чернина, позволил бы Германии ввести войска на территорию империи. Это бы вынудило Австро-Венгрию продолжать участие в войне, оставаясь полностью зависимой от германского союзника на начало 1918 г. [3, с. 41].

Чернин указывает, что во время переговоров возникло недопонимание между сторонами: Антанта после лета 1917 г. стала воспринимать стремление Австро-Венгрии к мирным переговорам как попытку империи отдалиться от Германии, в то время как глава МИДа рассчитывал на всеобщий мир и статус-кво [4, с. 186–202]. Экс-глава МИДа пытался обелить себя, поскольку император Карл в одном из писем согласился передать Эльзас и Лотарингию Франции, Стамбул – России и восстановить суверенитет Бельгии, при этом отказывая в территориальных уступках со стороны Австро-Венгрии [8, р. 16]. Во время переговорного процесса Центральные державы фактически вывели из войны Россию и Румынию, заключив с ними Брест-Литовский и Бухарестский мирные договоры соответственно, а в ноябре 1917 г. нанесли поражение итальянской армии при Капоретто, заставив ту отступить вглубь своей территории на 70–110 км. Это вынудило Великобританию и Францию отправить подкрепление на итальянский фронт [8, р. 2, 12]. Среди политиков в Великобритании и Италии раздавались голоса о возможном мире с Германией. После удачного начала наступления германской армии на Западном фронте 21 марта 1918 г. Антанта оказалась в тяжелом положении, а Австро-Венгрия и Германия более не были заинтересованы в ведении активных переговоров «на равных».

Закономерным итогом неудачных мирных переговоров стало «дело Сикста». Граф Чернин выступил 2 апреля перед Венским городским советом, заявив, что новый премьер-министр Франции Жорж Клемансо незадолго до начала весеннего наступления предлагал ему начать переговоры о мире, не обещая при этом отказаться от претензий на Эльзас и Лотарингию. Клемансо, узнав о речи Чернина, в качестве опровержения опубликовал письмо Карла I Пуанкаре, в котором император

¹ Приращение территорий Италии за счет Австро-Венгерской империи было закреплено в тайном Лондонском договоре 1915 г.

соглашался на передачу Эльзаса и Лотарингии Франции. После этого он на протяжении апреля продолжал публиковать стенограммы тайных переговоров дипломатов [8, р. 16; 16, р. 1]. Данный скандал похоронил какие-либо попытки мирного урегулирования конфликта и укрепил зависимость Австро-Венгрии от Германии, сделав поддержку националистических движений Антантой более обоснованной с точки зрения идеологии и пропаганды.

Итак, провал мирных переговоров и ситуация на фронте подвели страны Антанты, а в особенности Италию, к сотрудничеству с национальными комитетами, образованными во время войны политическими эмигрантами Австро-Венгерской империи. Изначально национальные комитеты не пользовались какой-либо поддержкой со стороны правящих кругов Антанты, в том числе и присоединившейся к ним Италии. Эти страны не были заинтересованы в уничтожении многонациональной монархии Габсбургов и создании на ее территории множества независимых национальных государств, поскольку это привело бы к расширению очага нестабильности на всю территорию бывшей империи [6, р. 22].

Однако, что можно сказать о череде признаний осенью того же года Польского национального комитета как законного представителя польского народа? На наш взгляд, данный шаг был направлен скорее против Германии, нежели против ее главной союзницы. В этой связи можно вспомнить организацию в конце 1917 г. во Франции польских и чехословацких отрядов, являвшихся скорее одним из способов консолидации эмигрантов для помощи на фронте, чем поддерживающих развал империи. Вот несколько аргументов в пользу нашей точки зрения. Один из ключевых деятелей чехословацких сепаратистов Милан Растислав Штефанек в докладе французскому генштабу от 25 июня 1916 г. предложил создать чешское королевство, включающее Богемию, Моравию, Силезию и сухопутный коридор к югу от Вены, соединяющий королевство с Сербией, но французская сторона отказалась поддержать это предложение [9].

Даже в январе 1918 г. премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж и президент США Вудро Вильсон были готовы на мирные переговоры и сохранение Австро-Венгрии, выражая данную позицию в своих речах. Так, премьер-министр Великобритании, выступая 5 января в Лондоне перед представителями британских профсоюзов, заявил: «...распад Австро-Венгрии не является частью наших военных целей... если подлинное самоуправление не будет предоставлено тем австро-венгерским национальностям, которые давно этого желают, то невозможно надеяться на устранение причин волнений в той части Европы,

которая так долго угрожала всеобщему миру» [4, р. 1]. Речь Вильсона, произнесенная 8 января перед двумя палатами американского конгресса, в которой он декларировал свои «Четырнадцать пунктов», прямо не говорит об уничтожении империи: «Народы Австро-Венгрии, чье место которых в Лиге Наций мы хотим видеть защищенным и обеспеченным, должны получить широчайшую возможность автономного развития» [5, р. 1].

Итальянская сторона, а особенно глава МИДа Сидней Соннино, до конца войны не была заинтересована в уничтожении империи, поскольку это усилило бы позиции Сербии и России в регионе и позволило бы Великобритании и Франции воспрепятствовать распространению итальянского влияния на Балканах [8, р. 9]. Ни в британской прессе, ни во французской, ни в итальянской до конца 1917 г. нам не удалось обнаружить призывов к расщеплению монархии на национальные государства.

Бенито Муссолини, который затем поддержал конгресс, 7 января 1917 г. в *Il Popolo d'Italia* писал, что «Австро-Венгрия способна сохраниться и стать кватролистической¹» [6, р. 23]. Можно сказать, что радикальная антиавстрийская позиция до последнего года войны была в странах Антанты малораспространенной, политические элиты не стремились поддерживать сепаратистов, а использование пленных австро-венгерских солдат славянского происхождения за пределами Восточного фронта было ограниченным.

Но в среде интеллигенции были личности, относившиеся к деятельности национальных комитетов с сочувствием. Во-первых, это были агенты так называемого «Дома Крю» – отдела Управления пропагандой во вражеских странах британского Министерства информации. «Дом Крю» был образован в феврале 1918 г. для активного распространения пропагандистских материалов среди солдат Центральных держав. Среди его членов были корреспондент *The Times* Уикем Стид и шотландский историк Роберт Сетон-Уотсон, считавшиеся на Британских островах специалистами по национальному вопросу в Австро-Венгрии. Сетон-Уотсон занимался изучением положения южных славян в венгерской части империи, призывая к их объединению. Стид рассматривал Австро-Венгрию как сателлита Германии, транслируя свою позицию в *The Times* [2, с. 34–35; 8, р. 4–5], чей владелец барон Нортклифф стал главой «Дома Крю». Это уже второй упомянутый нами факт сотрудничества популярных издательств с военной пропагандой. Сетон-Уотсон также оказывал поддержку лидеру чехословацких эмигрантов Томашу Масарику в 1915 г., предоставив тому место профессора в

¹ Т. е. состоящей из Австрии, Венгрии, Богемии и Хорватии.

«Школе славянских и восточноевропейских исследований» [8, р. 7]. Стид лоббировал свое окружение, оказывая знаки внимания будущему государственному деятелю независимой Польши и председателю Польского комитета Роману Дмовскому. Депутат итальянского парламента, руководитель римского отделения *Corriere della Serra* и комментатор в газете *Il Messaggero* Андреа Торре помогал генеральному секретарю Чехословацкого национального комитета Эдварду Бенешу весной 1917 г. распространять его книгу «Богемия против Австро-Венгрии» (*La Boemia contro l'Austria-Ungheria*. Locarno, 1917) и написал к ней предисловие [9]. Именно такие личности, как Стид, Сетон-Уотсон, Торре и Борджезе, стали связующим звеном между государствами Антанты и национальными комитетами.

Первым шагом к будущему конгрессу можно назвать Корфскую декларацию 1917 г. Основанный в 1915 г. и состоявший в основном из хорватов Югославянский комитет имел напряженные отношения с официальным сербским правительством Николы Пашича. Пашич использовал комитет в пропагандистских антигабсбургских и антиитальянских целях. После признания им в 1916 г. итальянских прав на восточную Адриатику среди членов комитета существовало опасение, что сербское правительство в итоге преследует цель создать Великую Сербию, в которой сербы будут подавлять остальное южнославянское население. Пойти на сближение комитет и Пашича заставили обстоятельства: после Февральской революции 1917 г. Россия практически перестала оказывать дипломатическую поддержку сербскому правительству в изгнании, а 30 мая 1917 г. Югославский клуб в рейхсрате опубликовал манифест о необходимости создания югославянского государства под властью Габсбургов. Это могло отрицательно сказаться на деятельности комитета по продвижению идей независимости среди южных славян империи.

Боялись члены комитета и условий тайного Лондонского договора, по которому славянские земли в восточной Адриатике могли попасть под итальянский контроль. Итальянцы в свою очередь противодействовали сербскому правительству путем признания независимости Албании и провозглашения одной из целей войны восстановление независимой Черногории. Соннино неудачно пытался предотвратить объединение комитета и сербского правительства обещанием финансовой поддержки комитету в обмен на отказ от сотрудничества с Пашичем, который в июне тайно пригласил членов комитета на встречу в Корфу. Результатом поездки стало подписание Пашичем и главой комитета Анте Трумбичем компромиссной Корфской декларации, провозглашавшей

создание после войны государства южных славян под властью сербской династии Карагеоргиевичей [15].

Каково было влияние данного события на историю конгресса? Объединение сербов и комитета против Габсбургов и вовлечение сербского правительства в процесс объединения южных славян оказали влияние на владельца популярной итальянской газеты *Corriere della Serra* и сенатора Луиджи Альбертини, который поддерживал тесные отношения с Сетон-Уотсоном. Возможно, Альбертини увидел в декларации неизбежность создания государства южных славян, необходимость для Италии скорректировать свою политику и шанс воспользоваться национальными противоречиями в империи. С этого момента газета бескомпромиссно отстаивала мнение о том, что Австро-Венгрия должна быть уничтожена, а Италия обязана поддержать создание югославянского государства, лоббируя таким образом в общественном мнении интересы сепаратистов [8, р. 9, 11]. К тому же Альбертини через Борджезе имел доступ к правительству.

Разумеется, противоречия между итальянскими и югославянскими интересами в Адриатике никуда не исчезли, адриатический вопрос сохранял свою актуальность для итальянцев на протяжении всей войны. Преодолеть разногласия помогли журналисты, подготовив почву для будущего соглашения. В декабре 1917 г. итальянский военный атташе в Лондоне генерал Мола и журналист Гульельмо Эмануэль встретились с Трумбичем и совместно разработали декларацию, предусматривавшую взаимоприемлемый компромисс по адриатическому вопросу: стороны согласились с тем, что цель Италии по оккупации Далмации помогает Австро-Венгрии, разобщая итальянский и югославянские народы [15]. Затем по инициативе Стида и Сетон-Уотсона 26 января в Лондоне прошла встреча между Трумбичем и премьер-министром Италии Витторио Эмануэле Орландо, что ознаменовало фактическое признание со стороны Италии Югославянского комитета, после чего Трумбич принял приглашение итальянского премьер-министра приехать в Рим [2, с. 41; 8, р. 15]. В своих речах от 12 февраля и 4 марта Орландо поддержал стремление народов Австро-Венгрии к независимости. Именно в данный промежуток времени среди итальянских журналистов возникла идея проведения конгресса, который бы объединил деятельность всех национальных комитетов и окончательно бы легализовал их требования.

В феврале 1918 г. Общество Тренто и Триеста при содействии *Corriere della Sera* организовало конференцию, и спустя месяц был создан Исполнительный комитет по организации конгресса [6]. Последним важным шагом к проведению конгресса стала предложенная

Альбертини, Стидом и Сетон-Уотсоном и согласованная с итальянским правительством лондонская встреча Андреа Торре и Антонио Борджезе с Анте Трумбичем. Переговоры состоялись 7 марта, и в итоге была опубликована совместная декларация, состоявшая из семи пунктов. Стороны пришли к заключению, что Италии необходимо признать независимость «югославской нации», а югославы должны признать важным «обретение итальянцами национального единства». Разумеется, общим врагом на пути к «адриатической свободе» была признана Австро-Венгрия, о разрешении территориальных споров речи не шло [2, с. 41–42; 6]. Параллельно французский Комитет по делам национальностей во главе с Анри Франклин-Бульоном пытался перенести действие конгресса в Париж, но потерпел неудачу [6].

Конгресс угнетенных народов Австро-Венгерской империи проходил с 8 по 10 апреля во Дворце консерваторов на Капитолийской площади [10, р. 3]. Приведем имена участников, чьи личности нам удалось установить. Активно поддерживали проведение и участвовали в деятельности конгресса различные парламентские группы и ассоциации, к примеру Общество Данте Алигьери, Радикальная партия (социалисты-интервенционисты) и Итальянская национальная ассоциация (националисты), 11 сенаторов и депутатов, в том числе Франческо Руффини (председатель) и Луиджи Альбертини, 15 политиков, журналистов и публицистов, например уже упомянутые Антонио Борджезе и Бенито Муссолини, присутствовал будущий глава комиссии по пропаганде среди солдат Австро-Венгрии Уго Оджетти. От Франции участвовали четыре человека, среди которых Анри Франклин-Бульон и Альбер Тома, от Великобритании Уикем Сид и Уильям Сетон-Уотсон, а от США посол Нельсон Пейдж.

Что касается участников от национальных комитетов, то от Чехословацкого присутствовало восемь человек, в их числе Эдвард Бенеш Милан Растислав Штефаник. От Югославянского комитета также восемь человек, разумеется, главным его представителем на конгрессе был Анте Трумбич. Делегация национального собрания Сербии включала всего 12 человек, самыми известными из которых были Коста Стоянович и Настас Петрович. От Польского комитета девять человек, в частности, бывший депутат рейхсрата Ян Заморский и бывший член Государственного совета Российской империи Константин Скирмунт. От Румынского комитета пять человек, в том числе Георге Миронеску [11, р. 1]. Интересно, что Польский комитет представляли бывшие подданные как Германской и Австро-Венгерской, так и Российской империй, а от Румынского комитета, который призывал не только к

освобождению страны от оккупации, но и к присоединению Трансильвании, был только один трансильванский румын Симион Мындреску. Все члены конгресса имели высшее образование, большинство имели опыт в политике, журналистике или научной сфере и происходили по большей части из семей высокого и среднего достатка. Безопасность участников обеспечивалась армией, а ход конгресса освещался самыми популярными газетами *Avanti!*, *La Stampa*, *Il Messagero*, *Corriere della Serra*.

Первым делом Орландо принял югославскую делегацию [8]. В течение трех дней работы конгресса в докладах национальных комитетов прозвучало множество тезисов, самыми важными из которых были поддержание энтузиазма в деле «освобождения» народов, необходимость сотрудничества и радикальная антиавстрийская и антигерманская позиция. Коста Стоянович заявил, что Австрия, равно как и Турция, является «анахронизмом». Миронеску сказал, что румыны и сербы находятся в оккупации и поэтому им нужно объединить свои силы для противостояния врагу [12, р. 1].

На последнем заседании 10 апреля председатель Руффини в своей речи обосновал, почему итальянцам необходимо поддерживать национальные антигабсбургские движения: «Италия должна прислушаться к призыву угнетенных наций, находящихся под господством Габсбургов, учитывая, что и многие итальянские великодушные и благородные сыновья все еще страдают от их тирании». Румыны выступили с протестом против «немецко-венгерского ограбления», заявив, что Румыния вступила в войну наряду с великими демократиями не только из-за территорий, но и за идеалы свободы, которые, как и территориальные права румын, попираются Германией и Австро-Венгрией. Поляки же в лице Я. Заморского выступили с речью, в которой призывали к освобождению Польши от влияния как Австро-Венгрии, так и Германии. Альбер Тома заявил: «Эта война ведется не за Эльзас или Лотарингию, а за всех угнетенных». По мнению Трумбича, чья речь прерывалась криками *Vive la Jugoslavia!*, «освобождение от габсбургского ига является для нас жизненной необходимостью». В конце выступал Сальваторе Барзилай, который, процитировав слова Чернина о преступности устремлений итальянцев и народов империи, подытожил, что Австро-Венгрия определенно не собирается уступать требованиям народов империи [13, р. 1].

На конгрессе, созванном против «тиранической» Австро-Венгрии, где «20 миллионов немцев и венгров угнетают 30 миллионов славян и латинян», был провозглашен лозунг *Austria delenda!* [12, р. 1], отсылавший к фразе *Carthago delenda est* («Карфаген должен быть разрушен»). Социалистическая, изначально антивоенная, газета *Avanti!*, возможно

под давлением цензуры, писала о закрытии конгресса: «На древний Капитолийский холм пришло в эти дни дыхание новой жизни» [14, р. 2]. По результатам конгресса было выпущено две резолюции. Согласно первой:

1. Каждый из народов имеет право на создание государственности, объединение нации, чтобы достичь полной политической и экономической независимости.

2. Каждый из этих народов солидарен в том, что Австро-Венгерская монархия является орудием германского господства и фундаментальным препятствием на пути реализации устремлений и прав народов.

3. Поэтому Ассамблея признает необходимость общей борьбы против угнетателей, чтобы народ достиг полного освобождения или национального единства [14, р. 2].

Текст второй резолюции был посвящен закреплению соглашения между итальянцами и южными славянами:

1. В отношениях между итальянской нацией и нацией сербов, хорватов и словенцев, также известных под названием южных славян, представители двух народов признают, что единство и независимость южных славян являются жизненно важным интересом Италии, как и завершение итальянского национального объединения является жизненно важным интересом южных славян. Поэтому представители двух народов обязуются, несмотря ни на что, совместно работать в этом направлении, чтобы во время войны и при заключении мира были полностью достигнуты цели обеих наций.

2. Стороны утверждают, что освобождение Адриатического моря и его защита от любого настоящего или будущего врага является жизненно важным интересом двух народов.

3. Обязуются разрешать в интересах взаимных и искренних отношений между обоими народами территориальные споры на основании принципа и права на самоопределение народов таким образом, чтобы не ущемлять жизненные интересы двух народов, которые будут определены после войны.

4. За частями одного народа, которые должны быть включены в границы другого, будут признаны и гарантированы права на уважение их языка, культуры, их моральных и экономических интересов [14, р. 2].

Таким образом, итальянцы и Югославянский комитет подчеркнули факт установившегося сотрудничества, что частично носило пропагандистский характер, однако не установили четких территориальных границ будущих государств.

Возникает два вопроса: почему на конгрессе не было украинских или русинских делегатов и неужели только Антанта использовала национальные противоречия в своих целях? На первый вопрос точного ответа у нас нет. Скорее всего, у галицийских украинцев (или русинов) отсутствовало сильное сепаратистское лобби за границей, также мы можем предположить, что польская делегация была бы против украинской из-за разногласий по поводу судьбы восточной Галиции. Для ответа на второй вопрос хотелось бы обратиться к следующим фактам. В 1916–1918 гг. немецкий МИД спонсировал создание антироссийских национальных организаций и проведение конгресса угнетенных народов, где, подобно будущему конгрессу 1918 г., высказывались мнения о «тираническом» характере царской власти и были сформулированы первые декларации о независимости Польши, Финляндии и Литвы [6].

Каковы результаты и значение Римского конгресса? Во-первых, он стал своеобразной «точкой невозврата». Антанта стала активнее поддерживать национальные комитеты, стремясь к победе в войне. Такая стабильная поддержка гарантировала не только обретение суверенитета Польшей, Чехословакией и Королевством сербов, хорватов и словенцев, но и передачу некоторых территорий Италии и Румынии. Образование новых государств позволило Великобритании и Франции ослабить позиции Италии на Адриатике и отказаться от части обещаний по Лондонскому договору [6].

Во-вторых, конгресс как символ использовался в военной пропаганде. 18 апреля 1918 г. начала работу комиссия по пропаганде во главе с Уго Оджетти, куда вошли не только английские, французские и итальянские представители, но и члены национальных комитетов. Последние имели исключительное право поддерживать связи со своими соотечественниками, они создавали воззвания и корректировали направления работы других союзных пропагандистов. В городе Реджо-Эмилия была организована типография, за полгода работы которой были выпущены почти 51 миллион листовок и 9 миллионов еженедельных газет на шести языках империи. Листовки распространялись с аэропланов, при помощи ракет, гранат и специально организованных диверсионных отрядов. Через граммофоны транслировались национальные славянские песни. Все это было призвано продемонстрировать поддержку и дружеское отношение к народам империи со стороны стран Антанты. Сам конгресс стал актом пропаганды, создавшей положительный образ национальных комитетов в общественном представлении [2, с. 47–48; 6; 7].

Стала ли военная пропаганда одной из причин падения империи Габсбургов? На данный момент мы можем с уверенностью говорить

лишь о брожении в тылу из-за тягот войны и агитации националистов на национальных съездах, сепаратистских выступлениях в рейхсрате. Но мы не вправе говорить о полном разложении армии. Существуют свидетельства дезертирства славян, бежавших с итальянскими листовками, есть свидетельства того, как немецкие подразделения заменяли славянские на фронте. Однако также существовали примеры верности и лояльности своей армии и стране среди славянских и итальянских подразделений.

Развал армии в октябре 1918 г. произошел не из-за дезертирства, а из-за развала государственных структур в результате оглашения 16 октября манифеста императора Карла. В нем монарх фактически предоставил народам империи право на самоуправление и удовлетворил просьбы венгерского правительства немедленно вернуть венгерские части армии с фронта для защиты отечества [7]. Безоговорочно доверять представленной в воспоминаниях современников информации мы не можем. К примеру, Кэмпбелл Стюарт в своих мемуарах о работе «Дома Крю» утверждал, что их пропагандистская работа, направленная на разложение армии, увенчалась успехом [2, с. 53–54]. В то же время глава австро-венгерской военной разведки Максимилиан Ронге настаивал на том, что перебежчиков было немного, за лето 1918 г. не более 37 человек, а итальянские военные буквально пытали славянских пленных, чтобы те согласились воевать против империи [1, с. 214–216].

В-третьих, после конгресса 21 апреля 1918 г. было подписано соглашение между М. Штефаником, В. Орландо и итальянским военным министром В. Цупелли о создании Чехословацкого итальянского легиона, который проявил себя в боях против имперской армии уже летом этого же года. Таким образом, были заложены основы для развития армии Чехословакии [6].

Римский конгресс угнетенных народов способствовал признанию Антантой деятельности национальных комитетов, стремившихся к созданию на месте Австро-Венгерской империи национальных государств. Кроме этого, у участников конгресса закрепилось представление об империи как о несамостоятельном субъекте международных отношений, сателлите Германии. Безусловно, сам факт организации конгресса не стал причиной падения империи. Он был результатом тяжелого стратегического положения Антанты в начале 1918 г., неудачных тайных мирных переговоров, лоббирования интересов национальных комитетов узкой группой взаимосвязанных друг с другом политиков и журналистов, сотрудничавших с государственной машиной пропаганды.

Список литературы

1. Ронге, М. Разведка и контрразведка / М. Ронге. – М., 1939.
2. Стюарт, К. Тайны дома Крю. Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг. / К. Стюарт ; пер. с англ. Ф. Л. Блументаль. – М., 1928.
3. Чернин, О. В дни мировой войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии / О. Чернин. – СПб., 2005.
4. Address of the British Prime Minister (Lloyd George) before the Trade Union Conference at London, January 5, 1918 // Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1918Supp01v01/d4> (mode of access: 21.01.2023).
5. Address of the President of the United States Delivered at a Joint Session of the Two Homes of Congress, January 8, 1918 // Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1918Supp01v01/d5> (mode of access: 21.01.2023).
6. Carteny, A. From the lausanne congress to the Rome pact until the Fiume league, nationalities and nationalisms (1916–1920) / A. Carteny // War, Peace and Nation-building: (1853–1918) / ed. by B. Vučetić. – 2020. – P. 17–39.
7. Cattaruzza, M. Das Ende Österreich-Ungarns im Ersten Weltkrieg. Akteure, Öffentlichkeiten, Kontingenzen / M. Cattaruzza // Historische Zeitschrift. – 2018. – S. 81–107.
8. Cattaruzza, M. Great Britain, Italy, the «oppressed nationalities» and the dissolution of Austria-Hungary in the First World War / M. Cattaruzza // Italogramma. – 2018. – Vol 16. – URL: <https://www.epa.oszk.hu/02300/02391/00012/pdf/> (mode of access: 10.01.2023).
9. Hájková D. The quest for balance: attitudes of the czechoslovak independence movement abroad to the Adriatic problem during the first world war / D. Hájková, P. Helan // Acta Histriae. – 2014. – Vol. 3. – P. 661–676.
10. Il convento della nazionalità in Campidoglio // La Stampa. – 1918. – No. 98. – P. 1–4.
11. Il convento della nazionalità soggetti al domino degli Absburgo // Il Messaggero. – 1918. – No. 98. – P. 1–4.
12. Il Patto antiaustriaco di Roma // Il Messaggero. – 1918. – No. 99. – P. 1–4.
13. Il patto di Roma per l'abbattimento della monarchia asburgica // Il Messaggero. 1918. – No. 100. – P. 1–4.
14. La conferenza dei piccoli popoli soggetti all'Austria // Avanti! – 1918. – No. 101. – P. 1–4.

15. Merlicco, G. Between old Austria and new foes: Italy and the Yugoslav project (1917–18) / G. Merlicco // *Istorijski Zapisi*. – Година XCIV. – 2021. – P. 116–138.

16. The Minister in the Netherlands (Garrett) to the Secretary of State // Office of the Historian. – URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1918Supp01v01/d132> (mode of access: 19.01.2023).